

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
Манохина Александра Александровича
на тему: «Сводная Кормчая митрополита Даниила
и ее место в каноническом праве»
по специальности 07.00.02 – «Отечественная история»

В последние годы исследователи все чаще обращаются к древнерусским каноническим сборникам, среди которых центральное место занимают Кормчие книги. Появившись в русской письменности на заре ее существования, Кормчие оставались непрременной составляющей книжной культуры весь «рукописный» период. Они были не просто сборниками церковных правил, но целыми компендиумами знаний об устройстве мира, управлении церковью и государством.

Диссертационное исследование А.А. Манохина призвано восполнить один из крупных пробелов в истории русского канонического права. Его предмет – Сводная Кормчая Даниила, митрополита Московского и всея Руси (1522-1539, †1547). Этот памятник не изучался во всей полноте и прежде привлекался чаще всего в качестве иллюстрации к спорам о монастырском землевладении. Как справедливо указывает автор, в первой половине XVI в., когда наступает очередной на Руси важный период канонического творчества, из нескольких возникших «авторских» Кормчих лишь одна была составлена «первоиерархом Русской церкви» (с. 4). В силу описанных обстоятельств ее исследование актуально и важно не только для истории книжности XVI в. и характеристики литературной деятельности Даниила, но и для выяснения тенденций в развитии канонического права Древней Руси вообще.

А.А. Манохин приложил немалые усилия для изучения палеографии пяти списков памятника (из шести известных к настоящему времени; шестой

список, изготовленный в XIX веке, в подобном анализе не нуждался). Автор провел доскональное исследование филигранных этих рукописей, уточнив датировку последних. Собранные А.А. Манохиным сведения, в частности, подтвердили гипотезу А.И. Плигузова, что Сводная Кормчая была составлена Даниилом не к 1531 г. (когда состоялся церковный суд над Вассианом Патрикеевым), а в последующие годы. Было установлено, что эта Кормчая не редактировалась, а списки «с большой долей вероятности восходят друг к другу» (с. 41) – редкий случай в средневековой славянской книжности. Не подлежит сомнению вывод А.А. Манохина, что неполнота Сводной Кормчей, не включившей в свой состав огромной доли церковных правил, – не умышленная особенность памятника, а следствие сведения автора с кафедры (гл. 2, § 2).

Крайне важным представляется наблюдение диссертанта, что Даниил стремился к «восстановлению» (с. 53) текстов канонов по всем доступным ему источникам – разным редакциям Кормчих, Пандектам Никона Черногорца. Это само по себе превращает митрополита в ведущего русского канониста эпохи. А.А. Манохин проявил себя знатоком славянского канонического права и проделал обширную работу, разбив все помещенные в Кормчей тексты правил на группы в зависимости от использованных Даниилом источников (с. 53-56).

В работе А.А. Манохина митрополит Даниил предстает опытным книжником – видимо, одним из самых эрудированных среди современников, – который был в состоянии не только переписывать тексты оказавшейся в его распоряжении библиотеки, но и осуществлять их отбор и «сортировку», а в ряде случаев разыскивать «источники своего источника» (с. 250; курсив А.А. Манохина). Диссертант сумел раскрыть особенности работы митрополита с текстами. Он выделяет четыре употребленных Даниилом приема – «контаминация, авторское редактирование, компиляция, заимствование» (с. 7), причем авторское вмешательство в тексты встречается сравнительно редко. Это не мешает А.А. Манохину высоко оценивать Кормчую, с чем

вполне можно согласиться. Текст свидетельствует о чрезвычайной устойчивости той литературной «техники», что применялась книжниками еще в первые века славянской письменности: «неввысокий объем авторского текста, – указывает диссертант, – отнюдь не воспринимался как недостаток» (с. 153). Если предшествующая историография при исследовании подобных памятников зачастую не могла разглядеть за «механическим», с ее точки зрения, подбором текстов какой-либо главной мысли компиляторов, то А.А. Манохин в ходе сплошного анализа Сводной Кормчей показывает, что митрополит составлял комментарии к правилам в соответствии с определенным замыслом. Диссертант приходит к выводу, что Сводная Кормчая не является правовым текстом в современном смысле этого термина. Для Даниила нет канонического права как отдельной дисциплины: «есть... вся литература и, даже более того, все Православное наследие вообще» (с. 249), а потому в качестве толкований на правила он привлекает тексты любых жанров. С этим, безусловно, надлежит согласиться, как и с тем, что ключевым для митрополита вопросом является врачевание души через таинство Евхаристии – залог спасения христианина (с. 199). Из наблюдений А.А. Манохина следует, что иосифлянская «политизированность» Сводной Кормчей была сильно завышена предшествующей историографией: митрополит Даниил заботился об общей христианской проблематике, в контексте которой вопрос о церковных имуществах являлся лишь одним из многих.

Заслуживает внимания наблюдение, что как для иосифлянской традиции вообще, так и для Даниила в частности характерно убеждение в «неслиянности» церковных и гражданских установлений (с. 99, 144, 248). Это означает, что синтез законов и канонов, не столь заметный на Руси первоначально (по сравнению с Византией), лишь углублялся с течением времени.

Важными являются наблюдения А.А. Манохина о тесной связи Сводной Кормчей с «Соборником» митрополита Даниила (гл. 6, § 2), которые

позволяют окончательно развеять сомнения относительно атрибуции последнему исследуемого памятника. Найденные диссертантом новые параллели между Кормчей и Стоглавом свидетельствует об авторитетности творения митрополита Даниила для современников и ближайших потомков. Ценной и трудно опровержимой представляется мысль о том, что пристрастие Стоглава к использованию литературных текстов в качестве толкований было в значительной мере подготовлено Сводной Кормчей (с. 247). Интересна, хотя и небесспорна параллель Кормчей с переводным Травником.

Особо следует отметить наличие в работе обширных приложений: росписи статей Сводной Кормчей по пяти спискам и подробного указателя источников памятника. Приведенные материалы, несомненно, будут крайне полезны при дальнейших исследованиях этой Кормчей.

Самостоятельное значение имеет весьма правдоподобная гипотеза А.А. Манохина о привлечении греческого источника, близкого к Афинской Синтагме. В этой связи можно высказать диссертанту пожелание продолжить разыскания в этой области. Структура Сводной Кормчей повторяет структуру не только одного из томов Афинской Синтагмы, но и первой половины Номоканона XIV титулов в редакциях Зонары и Вальсамона.

В то же время можно указать на определенные недочеты представленной работы. Исследование А.А. Манохина проливает новый свет на соотношение традиционного и новаторского в русском каноническом праве XVI в., а отчасти и в русской книжности вообще. Но признание книжной эрудиции и литературных талантов Даниила не должно вести к преувеличению степени его новаторства, как это иногда происходит у автора. Трудно согласиться с тем, что митрополит предпринял «еще более радикальную редактуру» Кормчей по сравнению с Вассианом Патрикеевым и Нифонтом Кормилицыным (с. 43). Напротив, если те два книжника осмелились расположить правила в соответствии с указателем титулов (что весьма редко бывало как в славянских, так и в греческих рукописях), то

осторожный Даниил, составляя книгу, руководствовался привычным хронологическим принципом.

Бережное отношение книжника к каноническому наследию прошлого подчеркивается «синоптическим» подходом к тексту правил, который зачастую приводится в разных редакциях. Одной из целей создания Сводной Кормчей было, как это удачно сформулировал сам А.А. Манохин, «восстановление» правил – сакральных текстов, искаженных или сокращенных в предыдущие века. Лейтмотивом книги, при всем ее своеобразии, является их толкование. В связи с этим требует дополнительного обоснования вывод, что Даниил создал *«принципиально иной»* (курсив А.А. Манохина. – *К.В.*) канонический свод, не имеющий отношения к Кормчим книгам» (с. 44).

«Новаторство» Даниила осуществляется, как у большинства других крупных средневековых книжников, в рамках традиции. Нельзя не признать вместе с автором работы, что и «нанизывание» «широкого полотна Священного Предания... на каноническую основу» (с. 250), широкое привлечение «четьих» текстов, за которое Даниил заслужил упреки в историографии, было сознательным решением митрополита. Но справедливее видеть в этом не «логический конец» (с. 250) развития русского канонического права, а воспоминание о его былой неотделенности от других жанров литературы – черте, время от времени стиравшейся под воздействием римского юрицизма, но полностью так и не исчезнувшей. Вполне естественно, что именно на Руси, где роль переводного светского права была невелика, церковный деятель сумел выразить эту особенность наиболее последовательно.

Вероятно, более выраженной, чем это представлено в работе, является идейная близость Кормчей Даниила и Кормчей Нифонта Кормилицына. Констатируемое А.А. Манохиным различие стоявших перед авторами задач (с. 8, 212 и др.) не противоречит определенным общим корням памятников, составленных двумя учениками Иосифа Волоцкого. В частности, толкование

на апокрифическое «правило 165 отец», которое А.А. Манохин атрибутирует Нифонту, взято последним из «Трактата о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ» волоцкого игумена (при этом сохраняет силу наблюдение А.А. Манохина о вмешательстве Нифонта в текст, так как фраза «нам игуменом» заменяет оригинальное чтение «нам игумену»). Таким образом, взаимоотношения двух иосифлянских Кормчих заслуживают отдельного исследования, которое хотелось бы ожидать от автора в дальнейшем.

Не всегда точно употребляется терминология: так, например, вместо слова «протограф» по отношению к списку Сводной Кормчей из собрания В.М. Ундольского (с. 7, 37 и др.) следовало бы применить термин «архетип» или «беловой оригинал».

Вместе с тем указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Основные положения работы отражены автором в автореферате и в 7 публикациях (4 из них содержатся в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, утвержденных Ученым советом Московского государственного университета имени им. М.В. Ломоносова (по группе специальностей 07.00.00 – «Исторические науки и археология»). Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Манохин Александр Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник

Центра источниковедения истории России
ФГБУН «Институт российской истории
Российской академии наук»

Вершинин Константин Владимирович

13 августа 2018 г.

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
07.00.02 – «Отечественная история»

Адрес места работы:

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19,
ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»,
Центр источниковедения истории России
Тел.: (499) 126-94-49, e-mail: iriran@mail.ru